

СБОРНИК РАССКАЗОВ ОТ ЛАУРЕАТА ВООБРАЖАЕМОЙ «НЕБЬЮЛЫ»

ДЕМОН ПУСТОТЫ

ЖАННА ПОЯРКОВА

Жанна Пояркова

Демон пустоты

«Издательские решения»

Пояркова Ж.

Демон пустоты / Ж. Пояркова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963204-3

«Демон пустоты» — сборник непредсказуемых и жестких рассказов от автора темного фэнтези «Отступник». Поэт прибывает в живой город, чтобы его укротить. Рапунцель сбегает из башни, мечтая стать пиратом. Шпион, ворующий секреты, зачарован желанием не быть человеком, а циничный продавец душ ранен встречей с давно забытыми чувствами. Это приключения, полные мрачной силы и одержимости — искусством, целью, убийством, сожалением, любовью или пустотой.

ISBN 978-5-44-963204-3

© Пояркова Ж.
© Издательские решения

Содержание

ЛЕЗВИЯ ЛИСТЬЕВ1	6
ПЛАЧУЩИЙ РИДЛИ	14
ТРИСТАН И КОРОЛЬ	18
ВОРОЖЕИ НЕ ОСТАВЛЯЙ В ЖИВЫХ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Демон пустоты

Жанна Пояркова

Редактор Ольга Медведева

Дизайнер обложки Нгоо

Иллюстратор Каролина Фуенмайор

© Жанна Пояркова, 2019

© Нгоо, дизайн обложки, 2019

© Каролина Фуенмайор, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-3204-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЕЗВИЯ ЛИСТЬЕВ¹

Приехав в Ааре, я был счастлив.

Я ходил по нарезанным в запрещенном пространстве переулкам, натыкался на афиши неизвестных групп и полные незнакомцев кофейни, сканировал каждую мелочь, упивался мягким, притягательным ритмом города. Мелкий дождь размазывал картину, но от непогоды всегда можно скрыться в кабаке или в булочной, забежать в кинотеатр или на выставку, постоять в открытом подъезде с лепниной и со старомодными номерами на дверях. Дождь – это плащ Ааре, бисерные нити, которые он разбрасывал передо мной в знак приветствия. Городок оказался так красив, что я не нашел в себе сил сердиться на непогоду.

Наверное, все новички так реагируют. Меня поражал каждый балкон, на который слетала желто-оранжевая листва, любой всплеск в обвивавших октябрьский город речках, запахи – солода, масла в метро, кожаных сидений, пыльных пластинок. Я вдыхал Ааре, словно волшебный дым. Рисунок плитки на площади сам собой складывался в эйфорический взрыв. Стихи загорались в голове, сплетались в крепкую сеть, и я писал их везде, где только мог. Они будто выливались из меня без какого-либо усилия, иногда даже изумляя тем, с какой простотой это получается. После того, как обрисовал город в голове, я будто бы овладел им.

Мне, конечно, рассказывали, как это произойдет. Что я должен приехать и изучить Ааре, обойти его по границе, в центре, испещрить траекториями прогулок, поддаваясь случайным порывам, пока я не полюблю его, а он – меня. Так создаются стихи, заклинающие живые города, помогающие избежать искажения, не позволяя ему случиться. Так поэтами со времен Ахура Мазды создаются щиты от демонов.

Но одно дело – чьи-то красочные рассказы, а жизнь здесь, пылающие кроны Ааре, его еле ощутимая музыка – превосходили истории, превращали их в так и не оконченные скетчи. Я с детства ощущал, что мои стихи не такие, как у остальных, что в них есть сила трогать сердце, но даже не предполагал, что эти навыки оценят настолько высоко. На соревновании поэтов в Стилпорте я дрался так, будто от этого зависела жизнь, но процесс совершенно поглотил, не было времени думать о том, что произойдет после победы.

Надзорный Кроули наблюдал за выходками новичка с пониманием и старческим сарказмом, который не слишком подходил такому крепкому мужику.

– Запомни одно, желторотый, – сказал он в первый день. – Как только заметишь что-нибудь странное – что угодно, пусть даже тебе почудилось, – сразу иди ко мне. Пока все в порядке, город стабилен, но мы должны быть уверены. Тут же как – чуть дашь слабину, и демоны начнут протекать сквозь трещины.

Как и все живые города, Ааре появился почти у границы очага искажений. После экспериментов Шенайда с параллельными измерениями и случившейся катастрофы такие города образовались в нескольких местах неподалеку от границы, где реальность окончательно теряла контуры. Нам показывали записи, где предметы вдруг начинают менять очертания, будто забыли, чем должны быть, а люди просто растворяются в воздухе. Живые города – дрейфующие картинки из другой эпохи или мира, которые останавливались только перед силой слова. Ааре не был окончательно завершен. Он отращивал по улице то там, то сям, но поэзия его укрощала. Он был ею вылеплен, и людям вполне хватало такого уровня достоверности, чтобы жить здесь. Демоны не могли просочиться внутрь, пока Ааре слушал мои стихи.

Я много времени проводил, забираясь в самые укромные места, чтобы сдержать их, запечатлеть в памяти и в тексте, упорядочить. Между мной и городом установилась связь, которой

¹ Рассказ вышел в финал конкурса «Пролет фантазии – 2018», был номинирован в разделе «Лучшая идея». – *Здесь и далее примеч. авт.*

не было ни у кого из жителей. Да, многие приезжали в стабильные живые города, потому что их манили удобства, даже несмотря на риск, но вряд ли они ощущали молчаливое внимание, которое дарил мне Ааре.

Так, окруженный всеобщим уважением и горящий нескончаемым любопытством, я проводил дни, каждый раз открывая что-то новое. Здесь были настоящие деревья, красно-желтые, тлеющие от прикосновений осени, – то, что осталось лишь на картинах! Гипнотическая красота, которую видят все поэты, совершенно обезоруживала. Эта влюбленность в новый, опасный мир, выглядевший таким покорным, лишила меня бдительности.

Мне кажется, все началось с птиц, но теперь уже трудно сказать. Они опустились на все еще зеленый парковый газон, испещрили его мелкими смешными головками, масляно-черными спинами, крапчатými грудками, деловито ковыряясь в траве. Скворцы вечно налетают словно стая бандитов. Я остановился понаблюдать, и тут они все подняли головки и посмотрели в ответ, а затем разлетелись в разные стороны, спиралью взвиваясь вверх. Это походило на черный цветок или на гигантский котлован – затягивающее кружение снежинок в воздухе, но более направленное, более... упрямое. Город показал мне птичий вихрь не просто так.

По дороге домой я зашел в бар и искал слова, но так и не смог подобрать подходящие. На какой-то миг я полностью отключился от ритма жизни и провалился во внутреннюю пустоту, куда не проникало ни звука. Город как будто запустил передо мной юлу из скворцов, оставшуюся в памяти черным отпечатком, и теперь я безуспешно пытаюсь поймать момент в сеть из слов. Провал, конечно, мелкий и малозначимый. Но так ли я хорош, чтобы создать неумолимый каркас сдерживания?

Затем был закат. Небо нередко выдает кровавые закаты, которые мнительным людям кажутся предзнаменованием, но этот был другим – холодным, серо-розовым, словно старая, нанесенная на морозе рана. Облака пропитались тревогой и будто бы обращались прямо ко мне, излучая невыносимую тоску. Я тщился подобрать рифмы, которые смогут это описать, но не ощущал привычной власти. Вместо этого чувствовал себя пустым, будто давно заброшенный глиняный горшок. Я все слышал, до последнего звука, наблюдал каждый мазок, и все же оставался совершенно нем. Будто источник во мне пересох.

Такое случалось и раньше, однако во время поединка поэтов в Стилпорте я был так наэлектризован, что совершенно позабыл об этом сообщить. Когда на кону стоит возможность уехать из подземной дыры и отправиться в живую фантазию, собственные проблемы с творчеством не выходят на первый план. Это ведь нормально – иногда останавливаться, правда? Паузы делают происходящее после них более значимым.

Я поступил обычным для себя способом: сменил род занятий, чтобы развеяться, позволил себе легкую влюбленность – и поделился соображениями с Риоко. Впервые за долгий период увлеченности городом я ощутил, что мне нужны друзья, а ведь раньше я в них не нуждался.

– Тео, ты такой необычный, – улыбнулась она. – Весь молодняк Ааре пытается писать стихи, но им до тебя далеко. Нет ничего удивительного, что иногда ты устаешь.

Я ушел раздраженным. Для жителей Ааре мои проблемы незначительны – просто ты творческий человек, думают они, а оттого так непредсказуем и странен. Пожирающие меня сомнения кажутся им мелким препятствием, тогда как я начинал ощущать в себе разрастающую дыру. Моя задача – не просто написать огромную поэму, которую когда-то после будут изучать в академии. Мне нужно сдерживать город от поступков, которые могут их в одиночку раздавить, быть воином Ахура Мазды, хлестать горящим кнутом метафор. Но что, если я не смогу?

Кроули наверняка знал об этом больше.

– Ты, желторотый, не забывай, что здесь не место для импровизаций. Оставайся в пределах классической эпики, и все будет хорошо. А отдыхать иногда нужно всем, – пожал он плечами, хотя глаза показались холодными.

И тут я понял, в чем дело. Ааре был красив, но эта красота как будто родилась из видения умирающего старика, из прошлого, которое никогда не вернется, подернутого фальшью улучшающих все воспоминаний. Он был буколической зарисовкой, пасторалью, акварельным этюдом с мягкими тонами, мечтой простого парня вроде меня, а значит – мечтой предсказуемой, скучной, слишком простой. Тихий, уютный городок, в котором мало что меняется, сошедший со старинных изображений. Ааре прозябал в оковах певучей поэзии, в успокоении. Где-то под этой оберткой скрывался настоящий город, и мне стало интересно ее размотать. Высвободить то, что находится под ней, как должен делать настоящий поэт, раздирающий любые завесы и проникающий в самую суть...

Мысль эта так испугала, что я поперхнулся пивом. За последнее время голова кипела от подобного рода соображений, но так отчетливо себе ситуацию я не представлял. Нельзя играть с городом, где живет множество людей. Я здесь не ради исследований, а ради заклатья.

– Ты уже целую неделю не писал ни строчки, Тео, – продолжил Кроули. – Возвращайся к своим обязанностям, иначе Ааре начнет чудить.

– Может, вам стоит отправить меня обратно? – неуверенно спросил я, ощущая внутри неожиданную слабость. – Вы уверены, что я подхожу?

– Уже поздно, черт тебя подери! – вспыхнул Кроули, сбрасывая маску приятеля. – Город уже привык к тебе, попробовал тебя на вкус! Ему нужна твоя поэзия и ничья другая! Ты прекрасно установил контакт, и я не понимаю, зачем все портить. Вот твои таблетки из бункера, бери... Они помогают сохранять спокойствие.

Я взял пилюли, повертел их в руке.

– А кто-нибудь... сходил с дистанции? Я имею в виду, кто-то из поэтов-заклинателей не выполнял свою задачу? О таком не говорили...

– Не было такого, – хмыкнул Кроули. – У всех случаются временные помутнения, люди есть люди. Но поэт не может долго молчать, сеть выдерживает до его возвращения.

Только теперь я понял, как мало знаю о живых городах. Почему их так увлекает поэзия, ритм стихов, что они замирают в одном состоянии, а не меняют их постоянно, как дикие города? Куда делись все легендарные поэты, чьи стихи мы изучали? Что случится, если поэт умрет?

– Кроули, я хочу знать, как город выбирает поэтов.

– Тебе ничего не нужно знать. – Он потушил сигарету. – Скажу по дружбе: обычно неприятности начинаются, когда люди вроде тебя, которым полагается заниматься своим делом и только, пытаются знать то, что предназначается людям вроде меня.

Он встал, надел плащ, висевший на стуле, и повернулся к выходу:

– Публика любит тебя, Тео. Иди напиши что-нибудь.

Каким на самом деле хочет быть Ааре? Вряд ли таким, как сейчас. В поэме не хватало остроты, свежести. Сейчас это просто кусок бабочки, застывшей в янтаре стихов.

У живых городов нет названий, они не останавливаются, а странствуют, где и как им угодно. Разве ради того, чтобы дать измученным выживанием людям ощущение надежности и счастья, стоит связывать город ритмом священной поэзии? Почему несколько тысяч человек важнее свободы неизвестного существа? Я подвергал критике каждую улицу, присматривался к домам придиричивым взглядом литературного брюзги.

Надписи на стенах, раньше казавшиеся следами забав смешливых подростков, мордочки животных, реклама скрытых в переулках пространств или нанесенные краской радикальные граффити вовсе не были такими беспорядочными, как я думал прежде. Пересечения улиц

будто подстраивались под ритм мыслей. Прогулка превращалась в невидимую музыку, сотканную из кадров, которые показывал мне Ааре. Золотистая рябь, поднятая ветром на желтеющей березе. Пролетает под ногами бумага – может быть, чек. Громыкает оторванный ветром железный лист на скользкой крыше. Кот смотрит пристально, будто точно знает мои мысли. Все это к чему-то ведет, но я не понимаю цели...

В конце концов я обнаружил себя в библиотеке за подшивками старых газет, но заметки в них были так же безобидны, как сам городишко. За чашкой кофе, принесенной библиотекарем, одиночество и бессмысленность тревог окончательно придавили к земле.

Может, пора принять таблетки? Тогда я точно ничего не напишу, мне нужна нервная восторженность, из которой, словно из котла, я черпаю сияющие строки Ахура Мазды. Но, возможно, я перестану видеть вместо красивых мест картонные декорации, полные скрытого тлена. Фокус зрения будто сдвинулся на вещи, которые не приносят радости. Уже полгода я отлично справляюсь, но от бывшего счастья не осталось и следа.

– Ты становишься профессионалом, Тео, – сказал Кроули. – Профессионалы не бегают и не верещат, словно девочка, получившая на Новый год пони. Они просто отлично делают свое дело – структурируют мир.

Как бы то ни было, я себя профессионалом не чувствовал. Наоборот, я был самозванцем, и Ааре это знал, но давал мне пожить здесь, поддерживал иллюзию. Пока.

Может, поэзия вообще не утихомиривает живые города? Может, они просто развлекаются, позволяя нам думать, что мы ими управляем? Испуг прочно укоренился в течении мыслей. Я убеждал себя, что это страх новичка, не подготовленного к тяжелому грузу, и усердно вил нити поэзии, скрепляющие Ааре в единое целое. Однако любопытство толкало узнать значительно больше, чем мне полагалось.

– Мы закрываемся, – библиотекарь возник между темными стеллажами. – Я упаковал вам подшивку с собой, но обязательно верните.

Ааре... Люди с легкостью дают название всему, что видят, будто это само собой разумеется. Черта с два. Любые неведомые земли приобретают тоскливые названия, связанные с датами или мертвыми людьми. Сначала все признают, что это схематичное упрощение для удобства, но затем начинают верить, что чахлые имена действительно описывают предметы, страны, чувства.

Они могут назвать бескрайние долины именем доставшего всех короля древности или фальшивого святого, славного лишь тем, что тот не мылся годами. Эта наглость, самовлюбленное стремление овладеть всем вокруг через ограниченный, примитивный язык, попытаться превратить холмы и горы в абстрактную гладь карты, а затем поделить, всегда меня поражало. Раньше поэты писали, что нельзя продать небо. Они просто не видели бункеров, где у каждого свой клочок небес.

Насколько жалко это выглядит со стороны: таблички на бурной реке, одинаковые названия улиц в сотнях и сотнях уничтоженных городов, однотипные названия населенных пунктов, животные, носящие имена исследователей, вирусы, названные в честь оплывших человеческих лиц. Битва с неведомым и беспредельное честолюбие – ничего больше. Почему-то я возненавидел название Ааре, а затем и людей, их невероятную глупость и уверенность в том, что их жизни дороже всего на свете, что выживание человечества – единственно достойная цель. Я застыдилась произносить имя перед молчаливым, несущим невидимые волны городом.

Выйдя из библиотеки, я почти дрожал от странной ожесточенности, ненависти к тому, что считается нормальным, хотя со стороны выглядит глупой попыткой упорядочить то, что дико, жаростно, хаотично. Солнце почти село, и дома наклонились над улицей, заваленной желто-оранжевой листвой. В перспективе, в самом способе наклона крыш, было что-то необычное. Мимо промчалась девушка в синем пальто, забежала за угол. Некоторое время слышался стук каблучков, затем – только шорох вяло переворачиваемых ветром листьев.

Дома явно намекали, что я должен отправиться вдоль аллеи. Не знаю, как я это понял, но стремительно наступающие сумерки всё меняли. Здания вытягивались и нависали, колебались, будто сделанные из темного желе, или устремлялись вверх черными копьями. Пустые окна корчились в попытках издать звуки, но застывали в схватках, так и не выдавив ни писка. Я следовал за своими чувствами и оказался перед открытой дверью в слабо освещенный желтым светом лампочки проход.

– Элвин, домой! – крикнула откуда-то справа женщина, подзывая сына.

Стоя на пороге подъезда, я колебался, сжимая перевязанную веревкой подшивку газет. Пустота, затхлый запах – и больше ровным счетом ничего. Делать здесь было нечего, разве что кусок бумаги валялся на полу, измятый и грязный, словно выпал из мусорного пакета. Страница отчета, нотной тетради или неверно заполненного опросника, в которую завернули покупки. «Список необходимого на вечер в честь казни Сильвана Хо...»

Я поднял листок, разгладил его, прижав к стене, и попытался прочитать написанное. Вот уж не думал, что в этом милом месте устраивают вечера в честь казней.

Обрывок листа действительно представлял собой остаток списка, похожего на те, что делают перед крупной закупкой в магазине. В основном там было перечислено продовольствие, выпивка, складные стулья, гирлянды, дрова и прочее барахло, подходящее для вечеринки на открытом воздухе, но также упоминались двадцать экземпляров книги под названием «Лезвия листьев» с пометкой на полях: «Убедись, что собрала все». Может, кто-то ставил пьесу – в Ааре полно театральных кружков, групп декламации и прочих развлечений в том же роде.

Присев на ступеньку, я закурил и расположил подшивку из библиотеки на коленях. Почему-то я был уверен, что в подъезд никто не войдет, а потому можно сыграть еще разок. Мне нравилось название «Лезвия листьев», так что я поискал в подшивке упоминания об этом сборнике, а заодно о Сильване Хо. Ни слова о «Лезвиях» я не обнаружил, а то, чем не можешь обладать, сильно будоражит.

Загоревшись в один момент, я переполнился стихами и начал торопливо записывать их на полях библиотечных газет, чтобы ничего не забыть. Я любил эти моменты, когда пустота исчезает, и ты вдруг переносишься в пространство, где творчество дается легко, свободно, как дыхание.

Сидя на ступенях, я писал и писал, боясь лишь одного – что бумага закончится, а я не успею рассказать все, что вдруг увидел. На город опустилась ночь, а когда я вернулся домой, было уже утро. Засыпая прямо в одежде, я вдруг подумал, что вместо того, чтобы сдерживать город, поддался ему, стал героем чужого детектива, который не задумывал.

Город начал писать стихи про меня.

– Меня зовут Ноам, я молодой поэт-стажер, которого прислали познакомиться с живыми городами, – жизнерадостно протараторил светловолосый парень лет двадцати.

– Прекрасно, – я постарался, чтобы слово включало в себя максимум возможного равнодушия.

Глядя на «стажера», одетого в модное пальто, выбритого и пахнущего одеколоном, я вдруг понял, что забыл, когда в последний раз брился. К Риоко я тоже перестал заходить, а ежедневное мытье начало казаться избыточным, ведь нужно было больше писать. Или думать о том, чтобы писать.

Наверное, паренек видел во мне загадочного отшельника или опустившегося одиночку, потому как изучал каждую складку на моих несвежих брюках с вниманием, которого они были явно недостойны. Я бы предпочел поверить в первый вариант, хотя был немногим старше Ноама, но посмотреть в зеркало все же захотелось.

Когда он ушел, я избавился от раздражения по поводу ненужного «помощника» с помощью бокала джина со льдом и повернулся к Кроули:

– Кто такой Сильван Хо?

Минуло уже два месяца с тех пор, как я проснулся и увидел, что испортил библиотечные газеты вещью, совершенно не похожей на поэзию. Вернее, это было больше, чем обычные рифмованные строки. Удивительно, что бумага не загоралась от такого накала, но необычная красота написанного не несла в себе смысла.

Структуры не было и в помине, ритм – слишком ломаный, образы – чересчур смелые и пугающие. От них смердело сумасшествием, но в то же время там оставалась искра, электричество. Я знал, какова поэзия Ахура Мазды, – она похожа на строительство трона небес, и изрисованные мной поля газет совершенно точно не были ею. Я написал *нечистую* поэзию. Наверное, стоило ее уничтожить, но я оттягивал момент.

Всему происходящему должно было найтись объяснение. Ааре пытался использовать человеческий язык, чтобы сообщить что-то, но я бездарным образом провалил интерпретацию, хотя честно бился над текстом.

Кроули дернулся, когда я произнес найденное в подъезде имя.

– Нет никакого Сильвана Хо.

Странно, но он не сказал, что его не было здесь раньше.

– А как насчет «Лезвий листьев»?

До этой минуты я собирался выказать негодование по поводу того, что мне выдали подпорку в виде хлыщеватого юнца, но движения бармена рассказывали о том, что Ноам – еще один тюремщик, который своим прямолинейным идеализмом укрепит цепи Ааре, не вмешиваясь в основную поэму. Ноам никуда не уйдет, сколько бы недовольства я ни проявлял.

Смена позы наливающего напитка мужчины отчетливо свидетельствовала о том, что мое падение не осталось незамеченным ни для Кроули, ни для начальства из Стилпорта. Они обеспокоены и хотят отстранить меня от дел, но это займет время – город должен привыкнуть к новому поэту, чтобы переход не был таким болезненным.

– Похоже на название сборника. Но в Ааре совершенно точно нет книг с таким названием, – проговорил Кроули. – Где ты его слышал?

Я промолчал, как будто предмет разговора не имел значения. В фигуре Кроули что-то изменилось, хотя я сначала не понял, что именно. Исчезла расслабленность, смешанная со скукой, и на смену ей пришла уверенность. Кроули уже знал, что собирается сделать, у него появился план.

– Тебе пора идти, Тео, – сказал офицер. – Соверши обход, укрепи сеть и не забивай голову глупостями.

Он будто хотел меня прогнать, чтобы я ушел из людных мест в отдаленные точки Ааре. Прикуривая сигарету, я завис над пламенем на несколько секунд. Ну конечно! Автор списка хотела собрать все оставшиеся тома «Лезвий листьев», чтобы их сжечь. Они казнили Сильвана Хо и уничтожили его поэзию, потому что та растревоживала город, так что я не был первым.

Покинув бар, я полностью уверился в том, что Кроули собирается меня убить. Сложно вычленишь, что именно вселило такую непоколебимую уверенность. Может, мокрые листья, прилипавшие к ботинкам, или неоновые вывески бургерных, на которых ломались буквы. Старуха на улице строго прищурилась, будто хотела ударить палкой. Мальчик скривил лицо и заплакал.

Быстро завернув в переулок, я так хотел избавиться от преследователя, что написал новую версию этой части поэмы. Улица превратилась в тупик, потом послышался визг тормозов, ругань водителя, ожидавшего увидеть привычный поворот. Ааре можно было перестраивать, а не только поддерживать в нужном жителям состоянии. Я мог писать его по своему вкусу, избавившись от чужих приказов, от мелочных ожиданий и рутины. Пусть небо станет

фиолетовым, а вода – ярко-красной, пусть дороги совьются в лестницы, поднимающиеся прямо вверх, асфальт слезет с тротуаров, словно надоевшая шкура, и под ним окажутся цветы...

Меня охватил жар. Очертания близлежащих домов подернулись дымкой, перестав быть такими реалистичными. Я пал. Впустил в Ааре демонов.

– Его надо задержать, пока не стало слишком поздно! Пока мы не превратились в чудовищ! – Голос Кроули за стеной вернул мне самообладание.

Как им удалось научить нас писать по шаблону? Почему мы согласились заменить лаву сладкой ватой? Разве не за это хвалили меня учителя в Стилпорте – за опасные метафоры, за клинки сравнений, за стремление к невозможному? За все то, что запрещено в клетке из жестких структур священных поэм.

Я бунтовал, глядя на нарисованный мной тупик, мгновенно воплотившийся в жизнь. Ааре хотел освободиться, и я тоже хотел. Я собирался изгнать всех жителей и остаться один, потому что живому городу не нужны набитые людьми дома. Ааре нужен только я.

Города влюблялись в поэтов, а те тащили за собой всех, кого могли найти, словно паразитов. Мне надоело служить надзирателем, я хотел стать учеником. Люди просто просочатся сквозь материю Ааре, останутся в пустом поле, совершенно изумленные, когда мы отправимся дрейфовать вдоль границы искажения.

Ааре начал двигаться, сминая старые улицы и выстраиваясь по новому образцу. Постоянство, устойчивость, неизменность приносились в жертву вечному движению. Жители растворились, а их место заняли существа, которых я не знал и даже не мог вообразить. Они трансформировались, как и все окружающее, и я обрадовался, что не придется их воображать одинаковыми, изменяющимися лишь по линии времени. Быть тюремщиком – постылая наука, так что пусть город сам научит меня тому, чего я не знаю.

Но теперь, когда все разрешилось, осталось последнее важное дело. Я сел на скамью, бесконечно падающую в недра живого города, и достал из кармана томик «Лезвий листьев» Сильвана Хо.

Как я и подозревал, это была непревзойденная поэзия.

Октябрь, 2017

ПЛАЧУЩИЙ РИДЛИ

– Мы не можем удовлетворить ваши требования.

Наверное, почували во мне журналистку – соединение спонтанности, уверенности и развязности, которое постепенно становится козырной картой. Сейчас каждая корпорация боится хотя бы на йоту проиграть конкурентам, в техническом отношении им противопоставить друг другу практически нечего. Осталась одна репутация, которой я недвусмысленно угрожала, так что мои собеседники начали застывать от нехороших предчувствий.

Если на начальном этапе переговоров менеджеры олицетворяли туманность и обтекаемость, то к концу я даже не хотела протягивать им руку для прощания, чтобы не ощутить эту одревенелость.

– Я могу подписать любые бумаги, которые вы пожелаете. Можете выделить меня в спецгруппу добровольцев из одного человека, на котором будет проводиться опыт, если простого желания покупателя вам недостаточно.

Я выглядела недовольной, мой голос выражал недовольство, и да – я была недовольна. После множества смен ролей, игр в хорошего и плохого полицейского объединение трех разных линий в одну было непривычным.

– Мы могли бы убрать синтетический слой...

– Содрать кожу, – уточнила я.

– Некоторым клиентам не нравится, что роботы похожи на людей внешне, так что это требование вполне законно. Но вторая часть вашей просьбы ведет к нарушению правил безопасности компании. Мы слишком заботимся о клиентах, чтобы согласиться на подобное.

– Иными словами, вы мне отказываете.

Я постаралась, чтобы фраза прозвучала как можно более резко и некрасиво. Менеджер оставил мое заявление без внимания.

– Конечно, нет. Просто мы не можем выполнить часть пожеланий, – дипломатично скинул с себя ответственность собеседник. – К тому же нам известно...

– Вы изучили мое досье.

– ...что вы известный фрилансер, чьи статьи неоднократно были направлены на освещение работы различных айти-компаний. Поэтому ваша просьба выглядит немного... подозрительно.

– Вы боитесь, что я могу написать разоблачающий материал, выставляющий вас чудовищами?

Я встала, всем своим видом показывая, что именно это я и собираюсь сделать.

– Пожалуйста, не горячитесь. Вы просто не понимаете... Ведь вы можете забыть о тех сюрпризах, что вложили в работа, а программа сохранения будет отключена...

– Все, что можете *вы*, я уже слышала. А я могу обратиться к вашим конкурентам и выставить вашу контору гребаным Диснейлендом, где боятся модифицировать роботов по вкусу клиента. Отсутствие гибкости – это большой минус на сегодняшнем рынке.

Фраза про «отсутствие гибкости» воздействует на менеджеров магическим образом. Далее последовал разговор с топ-менеджером, с руководителем отдела разработок, затем – анализы, бумаги, переводы, оплата, ящик с логотипом RA, в котором легко поместился бы человек. Это столь же неинтересно читать, сколь описывать.

Факт в том, что теперь я жила в доме Плачущего Ридли.

Когда я была маленькой, то выдумывала личностей, которых не существует. Как только создаешь кого-то в голове, он тут же появляется на пленке параллельного бытия, – в это я

твердо верила. Из-за того, что я выдумывала чудовищ, наверняка кто-то страдал; иногда, впрочем, мне приходили на ум вещи, которыми не грех и похвастаться.

Ридли я придумала, когда вспоминала сон. Уверена, что вещи, которые не сможешь сделать в жизни, не сделаешь и во сне, а трусливые выходы внутри снов означают, что в тебе завелись черви. В видении на меня напала банда дворовых подростков – агрессивных, грязных, на их лбах было написано «секс». Я ударила одного, но потом испугалась и фальшиво заплакала, чтобы отступить. Прокручивая момент, я пыталась понять, почему на них не набросилась. В фокусе воображаемой камеры текли слезы, отчетливо были видны падающие на лицо волосы, чтобы хулиганы не заметили подлого блеска глаз. Вот тогда мне и пришел в голову герой, визитной карточкой которого было притворство.

Его звали Плачущий Ридли. Он вызывал противников на бой, но не дрался, а плакал и молил о пощаде, как последняя тряпка. Стоило хоть на йоту поверить, как он напал без предупреждения. Он не был слабаком, но что-то заставляло его паясничать, добровольно унижаться, переступая предел. Возможно, ему не нравилась прямолинейность. Изворотливый и черный до мозга костей сукин сын.

– Вставай.

– Есть, сэр. – Я неторопливо поднялась с софы.

– Есть, Плачущий Ридли, – поправил меня робот и уставился круглыми яблоками зрительных сенсоров.

Он выглядел нечеловечески. Детали блестели, свет оставлял на железе и пластмассе полумесяцы отблесков. Ридли не мог вписаться ни в один интерьер, его невозможно было не заметить.

Люди не имели возможности со мной справиться, и то, что я не лучшего мнения о большинстве из них, тем более не способствовало подчинению. В школе я сломала руку парню, который хотел запихнуть меня в гардероб; чуть позже разбила Лилли голову о стену, рассердившись на существующую в классе иерархию. На меня не действовали ни запугивания, ни посулы, а это не помогает в карьере. Драться, противоречить, как будто я родилась для мятежа, – вот что давалось лучше всего. Нет, я не была преступницей, хотя сейчас это модно. Просто периодические проблемы с самоконтролем. Сломанный предохранитель. Импульсивность, приступы ярости – в каком-то объеме это бывает с каждым.

– Есть, Плачущий Ридли, – согласилась я. – Каков дальнейший план?

– Умывание. Холодный душ. Комплекс упражнений. Пробежка. Душ. Завтрак.

– Я поняла, Плачущий Ридли. – Я отправилась в ванную.

Робот не имел никакого отношения к придуманному герою, но надо же было его как-то назвать.

На него возлагалась обязанность помочь мне воплотить в жизнь заповедь: «Дисциплина духа начинается с дисциплины тела». Я не умела справиться с собой самостоятельно, а он в этом поможет. Попробовав схалювить и включить теплую воду, я осознала, что Плачущий Ридли перепрограммировал душ так, что все мои попытки оказались тщетны. Зажмурившись, я встала под холодные струи...

– Вставай.

– Отвали... – Я ощущала себя жучком, увязшим в чем-то липком.

Сон не желал отпустить. Я никак не могла понять, кто смеет вторгаться в мою личную жизнь и заставлять встать, хотя я живу одна, у меня нет приятеля, которому приспичило утром забраться мне в трусы, нет детей, нет хозяина квартиры, которому может понадобится оплата. Автоответчик включен, двери закрыты.

– Вставай.

Голос скрежетал, как армия лудильщиков. Я открыла глаза и увидела блестящий кумпол Плачущего Ридли. Речевая прорезь тарачилась третьим глазом, робот источал громкий звук, способный пробудить обдолбанного наркомана. Именно такой после вчерашней пресс-конференции я и была, поэтому его энтузиазм остался без ответа.

– Прежде чем будет произведено трехкратное предупреждение...

– Ладно, ладно, Плачущий Ридли. Я уже иду.

Я добралась до ванны, изучая в зеркале помятое, неровное лицо, на котором остались следы от подушки.

– Бла-бла-бла. Я человек, а ты – всего лишь консервная банка.

Договорив фразу, он очень точно выбил стакан из руки, затем ударил прямо в челюсть – так, что я упала на пол, – и навис сверху. Применение насилия. В любом, даже самом грязном, заведении ты можешь быть уверен, что тебя не забьют до смерти. Человеческие права, расплодившиеся и бесполезные, гарантировали неприкосновенность. Плачущему Ридли давались полномочия, которые не дают даже полиции.

– Сейчас должна быть пробежка. Переоденься – и на выход, детка, – приказал он моими же собственными словами. – Иначе мы не найдем общий язык.

Было больно. Я встала и попыталась сбить робота с ног, но его проектировали устойчивым к подобного рода нападениям. Он врезал мне еще разок, да так, что в глазах потемнело.

– Дисциплина – вот ключ к духовному развитию.

Когда я прописывала эти фразы на тренажере – модели действий Ридли, мне было смешно. Сейчас – не очень. Логика подсказывала, что самый простой путь – не упрямиться и делать то, что я сама себе запланировала. Наслаждаться появляющимися мускулами и режимом дня.

– Иди к дьяволу! Я никуда не пойду, Ридли.

– Плачущий Ридли, – железная нога робота аккуратно вонзилась мне под дых.

Нет-нет. Только не в живот.

Только не в живот!

Ридли был безжалостен, глух и язвителен. Прежде не возникало сомнений, что именно такой тренер мне и нужен, но где-то я допустила просчет. В те дни, когда он не мог контролировать мои действия, я со злости пила, пытаюсь бросить вызов самому понятию «дисциплина». Но рано или поздно приходилось возвращаться домой, где ждал Ридли. Командировок не подворачивалось, демонтировать робота можно только одним способом – вызвать спецотряд РА, а я не могла просигналить о провале целой компании. Я даже подумывала купить новую квартиру, оставив Плачущего Ридли с носом.

– Брось ты это, – покачал головой Лин Дзу, когда я рассказала ему о роботе. – В последнее время ты не трудишься, а спишь или бухаешь. Тебе стоило послушать экспертов. Когда сталкиваются два тупых, как бревно, характера, это не приносит плодов. Подчиняйся своему Ридли – и дописывай статью, а то ее отдадут кому-нибудь еще.

– Плачущему Ридли, – я вспомнила удар под дых.

– Что? – не понял Лин Дзу.

– Подчиняться не Ридли, а Плачущему Ридли. Его зовут Плачущий Ридли.

– Э-э... Ты уверена, что это идет тебе на пользу? – усмехнулся Лин. – Но знаешь, я тебе даже завидую. Давно не видел хорошей драки.

Человеку свойственно приспособливаться к тяжелым условиям. Именно эта гибкость и сделала наш вид таким живучим. Видели бы вы общежития в китайском квартале – человеческое существо может обойтись без многого, быстро привыкнуть к тому, что со стороны кажется ужасающим, растерять все амбиции перед лицом нужды. Мне осталось сделать всего

один шаг, чтобы привыкнуть к учителю и с удовольствием подвергаться муштре, – ломка была не за горами.

Лин Дзу сменился кем-то еще. Недоверие, подозрительные взгляды. Следом подошел Элрик, рассказывая про нейроны и синапсы, но у него изо рта пахло слишком неприятно, чтобы я могла внимательно слушать. Я допила мартини, вышла на улицу и подняла взгляд вверх, пытаюсь между рекламными щитами найти небо.

После нескольких недель на обезболивающих жизнь стала выглядеть более красочной, чем обычно. Хотя мне даже нравился кодеин: после него тело и мысли сглаживаются, маленькие досадные нюансы перестают волновать, ты чувствуешь себя полностью обтекаемой – крупной, неторопливой рыбой. Во время моего отсутствия плачущий Ридли не должен был меня искать – я не стала делать из него охотника, слепо полагаясь на собственную покладистость. Ридли был живым воплощением личного террора.

– Ты здесь, Плачущий Ридли?

Я достала ключ и вставила его в прорезь. Послышался сочный лязг, щелчок, шорох доски об пол.

– Я вернулась. Не могу сказать, что поездка была простой, но теперь мы снова вместе. – Закрыв за собой дверь, я очутилась в знакомой полутьме.

Было трудно с собой совладать. В напряженной и слегка душной тишине комнаты мой нервный смешок звучал ненормально.

– Твой план – душ, тренировка, чтение, тренировка, душ, сон.

– О-о, да это же прекрасный план.

– Он поможет тебе стать лучше.

Робот выступил из-за угла, металл холодно отражал слабый свет, льющийся из окна. Ридли не плакал, роботам не свойственна пантомима, но сейчас я ощущала его зловещую лживость. Цифровое табло часов медленно мигало, отмеряя растянувшиеся секунды. Я сняла верхнюю одежду и замерла.

– Надеюсь, перерыв не слишком тебе повредил.

– Ну что ты. – Я хрустнула позвонками и приготовилась. – Мне кажется, я вполне готова продолжить, Ридли.

Модернизированный скелет и искусственные мышцы легко отвечали на команды. Думаю, это стоило того, чтобы потерять несколько месяцев. Я сжала кулаки и ринулась на блестящую громаду, активируя импланты. Сейчас посмотрим, кто тут круче, дружище.

Июль 2008 года

ТРИСТАН И КОРОЛЬ

Король ничего не чувствовал уже много лет.

Жонглеры напрасно тратили время, пытаясь его развеселить, но он давно забыл, что значит веселиться. Тяжело сидел на своем троне и вглядывался в лица музыкантов, думая, что они молоды, а он стар. Думая, что развлечения – для молодых, а он уже забывает, как нужно их вкушать. Он не хотел пить, не мог танцевать, почти ничего не слышал и больше всего жаждал смерти.

Мимо его сощуренных глаз чередой проходили цветущие танцовщицы и искусные музыканты, колдуны заклинали свирепых зверей и вызывали грохочущую бурю. Иностранцы из самых разных городов рассказывали о своих секретах, певцы исторгали из глубин души хрустальные слезы баллад, наездники драконов виртуозно резали небеса. Все это было красиво, но за долгие годы душа правителя огрубела. Он все изведal, и все ему давно наскучило. Ничто не могло коснуться сердца старого короля.

Мало кто из придворных мог понять, какое это бремя – жить так долго. Иногда король жаждал врага, который прислал бы к трону наемного убийцу, чтобы закончить бесконечные, заполненные усталостью дни. Именно о таком визите и мечтал старый правитель, наблюдая за докучливыми попытками придворных вернуть на его уста радостную улыбку. Не веселья хотел король, а только покоя.

Вот и в этот день он медленно шагал по залу через коридор расступавшихся в почтении придворных, тяжело волоча расшитую золотом и подбитую мехами мантию. Нелегко дается каждый шаг, когда жизнь потеряла вкус. Тяжелая корона своим богатством гнула голову к земле. Все было так, как всегда, – и все же не так.

– Тристан... Ах, Тристан... – шептались придворные.

Чужое имя бежало по тронному залу шелестящей волной. Так же почтительно расступались перед королем придворные, и все же по-другому. В настоящем достоинстве нет торопливости, а в их движениях проникла не свойственная двору суета. Им хотелось вернуться к зрелищу.

– Тристан... – дышали этим именем они.

Идя к трону, его величество ощутил слабое клочкотание ярости в груди. Пусть все склонялись так же, как прежде, но их умы больше не принадлежали королю. Из последних сил поднявшись по лестнице и обвиснув на высоком троне, он поднял взгляд и посмотрел туда, куда смотрели все остальные. Очередной менестрель ожидал знака, чтобы начать музыку, но ни тени почтения не было в нем. Не наглецом предстал новый трубадур, была его голова склонена, как и полагалось, и все же принадлежал он лишь сам себе.

Он отбросил со лба волосы, горящие, будто алое вино, и коснулся струн старой лютни, которую давно считали подходящей лишь для детских забав. Непокорный, вольный, каким не дано было уже стать королю, запел Тристан. Король смотрел на трубадура и впервые за долгое время возжелал шелковистого вина и сладкого винограда; он забыл о мертвящей скуке и вспомнил о тоске, о яркой, словно кровь на снегу, жажде того, что нельзя получить. Жар опалил его лицо, ревность к беспечности Тристана уколола душу.

Много музыкантов видел король, но не приводили к нему таких, как Тристан. Он был порочным трубадуром, либертином, полным жизни и желаний, и его вольность каждым жестом оскорбляла обычаи двора. Певец двигался, словно молодой Дионис, никогда не ждал рукоплесканий, не кланялся и не ловил восхищенных вздохов. Глубокий, низкий голос трепетал под звуки давно забытого инструмента, выпускал из темниц жажду неистово испытать жизнь. Слушатели сжимали пальцы, но их надежды были обнажены. Проникновенный голос Тристана

чуть дрожал, заставляя тело расцветать комками горячих роз. Маски придворных трескались, из их глазниц вылетали стрелы раскаленных взглядов.

Музыка лилась безбрежно и бесстыдно, лаская кожу, а Тристан откидывался назад, пот блестел на груди, кое-как прикрытой шелком рубашки.

Это было непристойное зрелище, ведь непристойна пышущая энергией молодость в душе старика. Это была грубая, смущающая красота, невыносимая своей простотой. Тристан был притягателен многообразием своих лиц, одно из которых казалось великолепным, другое же – изломанным и исполненным тоски. Лютня в его руках заговорила, ожила, будто иссохшая долина, которая расцвела после дождя. Многих могучих волшебников видел король, сотни заклинателей облаков прошли через этот зал, но лишь Тристан показал ему подлинное волшебство.

– Кто позвал тебя?! – Король швырнул об пол бокал с вином. – Что он делает здесь?!

Музыка оборвалась. На середине сломался аккорд. Затихли в страхе и изумлении придворные, следя за тем, как растекается пугающими кляксами на ступенях вино.

– Кто позволил тебе играть?! Кто разрешил тебе показаться в моем дворце?! – вскричал король. – Пусть он больше никогда не появляется здесь!

Страшен был гнев старого правителя. Будто демон раздирает ему грудь, пламенели глазницы, тяжело билось сердце, обуреваемое жадностью. Как же хотел король этой юности, этих алых волос, этой свободы, этого голоса! Как же хотелось вышвырнуть трубадура вон, сбросить его со скалы, не видеть его больше никогда!

– Никто, – произнес в скованном тишиной зале Тристан, и эхо обернуло короля бархатом. – Никто не звал меня, король. Я сам пришел в твой замок.

– Вон! – крикнул король. – Убирайся вон, чертов менестрель!

– Я уйду, – трубадур чуть склонил голову. – Но ты уже голоден, король. Ты позовешь меня снова.

Лютню трубадура сломали пополам, а его самого унизительно вышвырнули прочь, но улыбка Тристана, опутанная алыми кудрями, разбила в тот вечер немало людских сердец. Многие придворные вспоминали непокорные темные глаза. Никто не пел, как он, и никто не мог его приручить.

Что ж, бродяге легко сохранить достоинство – если он упал, то поднимется, отряхнется и пойдет дальше. Так и поступил Тристан, унося с собой сломанную лютню. А что делать королю, если он потерял лицо?

Никогда еще старый правитель не выходил из себя, никогда еще его не мучила такая ярость. Королю отказала выдержка, с трудом давалось молчание, он снова стал гневлив и вспыльчив. Эти чувства застилали взор, и старик не видел, что впервые за долгие годы походка стала тверда, рука снова взялась за меч, разогналась в жилах кровь. В зале рыцарей снова раздается звон стали – король вспомнил вкус войны. Придворные шепчутся за спиной, но что ему их бессильный шелест?

Каждый вечер на дворцовую площадь приходит Тристан. Плавным движением он снимает с плеча, едва укрытого рубахой, старую лютню, пробует струны, выпуская на волю ласковый перезвон. Любой другой выбросил бы инструмент, познавший неудовольствие короля, но Тристан непостоянен во всем, кроме музыки. Безнадежно разбитая лютня терпеливо склеена настоящим мастером, будто ничего и не случилось. Трубадур садится на оставшийся от дневных торговцев чурбак, отбрасывает волосы с лица, встряхивает пиратскими серьгами.

У лютни теперь сварливый нрав, она резко вскрикивает от движений пальцев музыканта. Струны плаксивы, но все нипочем Тристану. Улыбаясь, он прикрывает веки, первые звуки срываются с губ – и время перестает течь. Все, кто проходил мимо, забывают о делах, замедляют шаг. Доводилось им слышать достаточно песен от музыкантов, желающих монетку. Были

среди тех певцов и хорошие, и похуже, но не было никого, подобного трубадуру, который поет лишь для себя.

Невыносимая скорбь стискивает сердце, пока голос парит, оторвавшись от земли. До чего же больно слышать что-то столь нескованное, столь крылатое, – но и сладко тоже. Песни Тристана будят тоску по полной, неистовой жизни, развеивают обманные занавеси, оставляют наедине со скрытыми мечтами, теперь обнаженными. Увлеченно поет Тристан, создавая невесомые арки мелодий вольно и непринужденно, и слова всегда – лишь о свободе.

Слезы текут по морщинистому лицу старого короля. Он стоит у окна, прислонившись спиной к стене, чтобы никто его не заметил, и алчет юности, которую снова вспомнил. Ветер, забываясь, играет рыжими волосами Тристана, солнце золотит его кожу. Как же беспечно молод он, как непринужденно босая нога отбивает ритм на теплых камнях! Многие бы заплатили золотом, чтобы позвать его к себе, но нет справедливой цены за восторг, который дарят пальцы трубадура.

Каждый день приходил Тристан на дворцовую площадь, будто заключив со старым королем вечный договор, хотя прежде его не замечали ни в постоянстве, ни в преданности. Ни разу старик не покинул замок, но и ни разу не пропустил вольные песни молодого певца.

Вечером последнего дня недели, когда все улеглись спать, Тристан пришел под окна дворца, а король покинул свое убежище и вышел на площадь. Никто не нарушал их уединение, площадь опустела, город будто вымер. Гнев в душе короля улегся, осталась лишь печаль. В тишине струны лютни играли опасный напев, вызывающий воспоминания о былых страстях и ошибках, а голос рыжего трубадура окутывал мягким покрывалом.

– Целую неделю ты играл для меня, Тристан, хотя мне недостало смелости попросить, – печально произнес его величество. – И никогда прежде я не слышал ничего прекраснее. Скажи, что привело тебя в мой дворец?

– Ходили слухи, что уже много лет король сидит взаперти, не способный ощутить жизнь на вкус. Что он так долго отдавался войнам и заботам, что позабыл все остальное, а потом забыл и то, что раньше помнил. Никто не мог пробудить усталого старика, и даже кинжала убийцы ему не дождался, ведь его слишком любит народ. Говорят, ты стал настолько глух, король, что не можешь различить поступь Смерти. Нет в мире более трагичной истории.

Тристан замолчал, грудь его приподнялась от тяжелого вздоха. Ни одного чувства не мог он утаить – и не хотел этого делать.

– Я пришел снова научить тебя слышать. Теперь ты слышишь, король? Прислушайся.

Старик вдохнул прохладный вечерний воздух – и тот ощущался свежим, как никогда прежде. Пусть становилось темно, но алые волосы трубадура и блеск камней в его ушах король видел отчетливо и ясно. Запах дыма из таверны за стеной щекотал его ноздри. Холодная пряжка пояса, инкрустированного золотом, холодила руку. Слышал ли он? Печальный голос Тристана разбивал сердце усталого правителя своей неизбывной молодостью.

– Я мог убить тебя в гневе, глупец, – слабо улыбнулся старик.

– Что ж в том такого? Распутник окажется за решеткой. Пират утонет, его корабль тоже пойдет ко дну. Разбойника наверняка обокрадут, – пожал Тристан плечами, очаровательный в своем бессердечии. – Так ты слышишь? Раз так, я буду петь.

И он начал играть, озаренный сиянием луны. Бледный свет целовал губы трубадура, и он пел в одиночестве, отдаваясь музыке так полно, что смотреть на это было невыносимо. Король сидел на камнях, и ему казалось, что кто-то невидимый танцует под музыку. Сильные пальцы Тристана мчались по струнам, и чьи-то еле слышные шаги вторили его волшебной песне. Король теперь слышал все очень ясно, и шаги Смерти, очарованной алыми прядями трубадура, он тоже ощутил. Но та не торопилась, дожидаясь, пока Тристан закончит свою песню.

Когда же музыка завершилась, упал замертво старый король, а Тристан отправился дальше, исчезнув без следа.

Ноябрь 2018 года

ВОРОЖЕЙ НЕ ОСТАВЛЯЙ В ЖИВЫХ

Подростком я мечтал стать поэтом, похожим на демонического Рембо, лиричного выдумщика Аполлинера или тонущего в экстазе, феерического Уолта Уитмена. Пока я носился, опьяненный медом поэзии, никто мне не рассказывал, что поэт остается частью крохотного сообщества, членов которого обыкновенные люди считают откровенными бездельниками и чудаками. Все в моей семье повторяли, что стихи никто не покупает, но я переводил это как: «Стихи не покупают болваны вроде вас». Когда правда открылась, давать задний ход было уже поздно.

Обычно, столкнувшись с реальностью, люди уходят из поэзии в большой мир, где стихи становятся необязательным хобби, о котором не расскажешь коллегам, чтобы не засмеяли. Я же решил стоять на своем и подрабатывать где попало, вспоминая битников, испанских певцов-повес и могучих американских бродяг, а в перерывах брался за любую деятельность для поэта. Закончилось все тостами для дней рождений на сайтах фриланса вперемешку с переноской мебели, работой за барной стойкой и протираанием штанов в исследовательских архивах, где живут привидения.

К бедности, когда ты молод, привыкнуть нетрудно. Гораздо сложнее перестать испытывать приступы ярости от обыденного представления о поэтах. Ты представляешь себе Байрона на судне, несущемся к неизведанным странам по ледяным соленым волнам, тяжело стучащим по борту. Ты видишь Блеза Сандрара кисти Модильяни, странного и недостижимого. Для большинства же людей поэт – это человек, рифмующий поздравления на открытках, придумывающий тексты к прилипчивым, словно грязь, песенкам, или просто бесполезный дурак, не нашедший себя в жизни. Безработный, бесхребетный бездельник с плохой стрижкой и ветром в голове.

Если бы мне сообщили, что большую часть моего заработка будут составлять деньги за сочинение зажигательных рифмованных речевок, редактуру плохо переведенных текстов песен для азиатских дорам и написание текстов для инди-групп, я бы крепко подумал, прежде чем связывать с поэзией свое будущее. Хотя нет, я лгу. Как-то раз я пробовал трудиться в офисе – и позорно сбежал, даже не забрав трудовую книжку. Есть что-то устрашающее в необходимости сидеть в небольшом кабинете с несимпатичными тебе людьми восемь часов подряд.

Так или иначе, но мой худосочный, но вдохновенный сборник «Туз теней» купили всего четырнадцать человек. Редактор в издательстве только развел руками и сказал, что поэзию обычно читают другие поэты, но покупают они еще реже, чем читают, так как у них нет денег. Хотел бы я оспорить его заявление, но я и сам за последние прочитанные стихи не платил, потому что быть голодным трудно. Сборник хайку я, например, спер с книжной распродажи – из чистого озорства, поддавшись магии момента. Зазор между мечтами и реальностью так велик, что воспетая многими романтиками меланхолия при мысли о том, где взять денег, приходит моментально.

Поэтому когда я увидел, что одна писательница ищет поэта для создания заклятий на страницах детской книжки, то невероятно завелся. Что угодно лучше поздравительных открыток. Да и, если подумать, заклинания в стихах могут быть странными и необычными, притягивать читателя и запоминаться надолго, заставляя мечтать... Вы всё поняли верно – я совершенно отчаялся, поэтому уцепился за подкинутый судьбой шанс, словно клещ.

Когда заказчица решила встретиться, я не удивился. Женщины любят иметь дело с кем-то, кто им понравился, даже если речь идет о бизнесе. Им не по душе, если стихи про жизне-радостных ящерок и бегемотиков для цветастой книжки в пятьдесят страниц напишет некто неопрятный или злой, хотя я не понимаю такой разборчивости. В эпоху электронных связей можно было ограничиться звонком по скайпу.

Вместо этого пришлось накинуть старомодный замшевый пиджак на футболку с надписью «Joy Division», чтобы создать впечатление богемного шика, привести себя в порядок и приехать в небольшое кафе в центре, прикидывая в уме, сколько же придется заплатить за кофе. Я не был уверен, что на карте осталась нужная сумма, а заказать что-то из вежливости требуют приличия. Об остальном не беспокоился: я был молод, красив и силен, как Кухулин, поэтому рассчитывал на симпатию со стороны заказчицы, которую представлял доброй, пухлой тетужкой. Может, я и небогат, но личное обаяние – иной тип капитала, порой позволяющий перекрыть недостаток основного.

В кафе «Cool story» я раньше не бывал. Оно находилось за католической церковью, в переулке, где чудом сохранились старые городские здания с вылепленными тут и там совами. Птицы смотрели на город с высоты грустным взглядом, и туристы кидали в них монетки, чтобы поймать удачу. Такие необычные скульптуры или лепнину на доходных домах можно найти по всему городу, словно знаки. Я любил такие осколки старины, совершенно около них забываясь. Здесь легко представить, будто я человек из времен, в которых не было ни социальных сетей, ни торговых центров, ни надоедливых мобильных телефонов, а мужчины еще ценили красоту шляп.

В переулке никого не было. На доске объявлений за церковью вкрадчиво шуршала отклеившаяся с обоих нижних уголков афиша органного концерта. Перед кафе висел фонарь в мозаичной подставке, разноцветные лучики света окрашивали дорогу перед дверью радужными полукружиями. Я вошел внутрь под нежные звуки колокольчика, осмотрелся.

Внутри кафе оказалось очень маленьким, но вытянутым, как половина бублика. Столики располагались по периметру округлого здания, в центре находилась стойка с кофе, рождественскими пряниками и ореховыми пирогами. Посетителей практически нет: за дальним столиком пила кофе молодая парочка, парень и девушка делили между собой кусок аппетитно выглядящего кекса с изюмом, а недалеко от входа, около алькова с книгами на обмен, сидела шикарная женщина лет пятидесяти.

Женщин в возрасте очень легко разделить по типажам, исходя из того, забрасывают ли они свою внешность. Большинство полностью отдаются семейным обязанностям, поэтому внешнее отходит на второй план, забывается. Моя мать на фотографиях юности выглядела стройной веселушкой, но узнать ее на тех фото смогли бы только те, кто давно с ней знаком. Возраст размыл черты лица, подбородок перестал быть четким, потерявшись в мягких складках, годы отпечатались на облике однозначно и неумолимо, а при выборе одежды речь стала идти об аккуратности, а не о красоте. Время жестоко и к мужчинам, но все-таки к нам взгляд не так требователен.

Незнакомка была сухощавой и очень суровой. Блестящие черные волосы спадали на плечи вышколенной волной, алая помада без ложной стыдливости подчеркивала губы. Ее лицо не пыталось скрыть возраст, но стиль женщины делал его особенностью, а не провалом. Она знала себе цену, и это ощущалось во всем: в том, как уверенно она сидела, в том, как держала книгу худыми, длинными пальцами. Это чувствовалось в больших темных глазах и в строгом костюме из хорошей ткани. Властность в ее образе наводила на мысль о руководящей должности, но для этого женщина слишком красива, словно постаревшая актриса или модель. Непривычная яркость граничила с экстравагантностью, хотя не настолько, чтобы быть неуместной.

Неужели это и есть писательница? На секунду я замешкался, но потом подошел к столику и поздоровался.

– Вы Алиса Ветер?

Незнакомка подняла глаза от книги и ответила профессиональной, отстраненной улыбкой.

– Все верно. – Она отложила книгу, это был томик Лотреамона. – А вы Нестор Ли, поэт? Рада видеть настоящего поэта. Я читала «Туза теней», он очень интригует. Необычный выбор тем и несомненное мастерство.

Голос низкий, с благородным призвуком, словно у дикторов или певиц. Может, ей приходилось много разговаривать, но я даже не предполагал, что детские писатели могут быть такими. Мы оба скрывались за псевдонимами, которые теперь казались неуместными и избыточными.

Неожиданно я смутился. Какая-то взрослая леди в возрасте моей учительницы старших классов читала «Туза теней», да еще и нахваливает его... Я выпал из контекста и растерялся. Алиса воспользовалась этим, чтобы указать на стул напротив.

– Прошу вас, Нестор, – продолжила она. – Поэзии, как и театру, постоянно предрекают смерть, но люди не меняются. Им нужны иллюзии, зрелища и заклинания, чтобы забыть что-то важное или его вспомнить. И поэты как раз похожи на заклинателей. Поэтому я уважаю таких, как вы, – несгибаемых, немодных, приносящих в мир красоту могучих саг, дерзновенность исследователей, откровенность настоящих трагиков. Одна нужная строка – и из глаз потекли слезы или раздался смех, люди растроганы или разгневаны. Слова дают поразительную власть.

– Над детьми? – закашлялся я, став ее фанатом после такой речи.

– И над ними тоже, – усмехнулась женщина. – Но хочу вас предупредить: моя книга – для непослушных, любознательных, мрачноватых детей. Для тех, кто ненавидит вечеринки и любит страшные сказки. Мне в детстве постоянно читали истории про пушистых кроликов и принцесс, ожидающих принца. Я же предпочитала другие истории – леденящие, захватывающие, пугающие сказки про призраков и чудовищ, про вампиров и неодолимые опасности.

Ее глаза сверкнули, голос потеплел.

– Хорошо вас понимаю, – согласился я. – Сказки и без призраков довольно жестоки. Вспомните сборник русских сказок – сплошные смерти и непривычная логика. Только ребенок может воспринять ее всерьез, без чувства несправедливости и ощущения безумия происходящего.

Сев, я погрузился в шлейф духов Алисы. Горячий мох, немного дерева, чуть-чуть нарцисса, желтизна янтаря – никаких тебе фруктов и цветочков, которыми пахли мои девушки. Она несколько раз моргнула в ответ на мои попытки щегольнуть умом и кивнула:

– Да, в старых сказках есть архаичный языческий дух. Им неведома современная справедливость и нравучительность. Они рассказывают о силах, которым такие категории не знакомы. Вот такую книгу я и хочу написать. А вы мне поможете.

– Что вам нужно? – Я заказал черный кофе и снова взглянул на собеседницу.

– Книга – это сказка о ведьмах, которые накладывают несложные, но губительные проклятия на людей. Форма заклятия – издевательский стишок, в котором в общей форме описывается, что случится с жертвой, – Алиса рассказывала очень внятно, доходчиво. – К сожалению, я не могу сама написать стихи. Таким талантом я не обладаю, а мне бы хотелось, чтобы заклятия звучали устрашающе и загадочно. Читатели должны ощутить интерес и сомнение. Но самое главное – стихи должны быть простыми и певучими, словно старые заговоры.

– Может, у вас есть примеры того, на что это должно быть похоже?

Собственный голос резанул слух чрезмерной угодливостью. Мне хотелось нравиться Алисе, а из-за разницы в возрасте и ее манер я чувствовал себя так, будто сдаю экзамен.

– Конечно, я пришлю вам дополнительные материалы, если мы придем к соглашению. – Она откинулась назад. – Но я хочу быть уверена, что вам интересна книга. Что мы находимся на одной волне. Понимаете, мне нужен соавтор, а не просто исполнитель.

Я напрягся, но старался сдерживать волнение. Она оперлась спиной на спинку стула и следила за тем, что я предприму, но меня таким не проймешь. Я тоже отлично умею принимать

позы и производить желаемое впечатление, но тема никак не приходила в голову. Нужно что-то простенькое, но что заклинать?

– Топчут ноги серый камень...

Алиса подняла бровь, но я смотрел в окно, сосредоточившись на ускользающей мысли.

Топчут ноги серый камень,
Силу он хранит веками,
Тянет облако к земле,
Горизонт отяжелел.
Ветер севера могучий,
Распори же с силой тучи,
Снег покроем камни эти,
Холоден, пушист и светел.

Алиса усмехнулась. Тема ветра должна была ее задеть.

– Слишком похоже на детскую считалку, но в общих чертах ты понял верно. Только знай – ведьмы не рисуют пасторальные картины, они заставляют природные силы дать им то, что те жаждут. Они угрожают, вымогают, выпрашивают, дурачат. Но давай проверим, сработает ли это, дружок.

Смена тона и резкий переход на «ты» меня покорили. Но женщина предпочла не заметить мое недовольство, расправила спину и посмотрела в окно.

– Топчут ноги серый камень, силу он хранит веками, – угрожающе забормотала она, сливая фразы в одну, ускоряя темп.

Я открыл рот, чтобы спросить, что происходит, но Алиса понизила голос до страстного шепота. В ее странном поведении было что-то завлекательно непристойное, и я не мог его прервать, чтобы не устроить сцену.

– Тянет облако к земле... Горизонт *отяжелел*...

У писательницы обнаружились задатки актрисы. Легкие, безобидные строчки, произнесенные ею, приобретали неожиданный вес, она будто притягивала небо вниз, вцепившись в воздух пальцами с острыми, покрашенными алым ногтями. Мне стало холодно – от двери потянуло сквозняком.

– Ветер севера могучий, – громко приказала Алиса, заставив парочку, поедавшую кекс, обернуться. – Распори же с силой тучи! Снег покроем этот город, пусть придет ужасный холод!

Концовка была другой, но должен признать, что к ее стилю декламации она подходила лучше.

Я поспешно глотнул из чашки, чтобы не комментировать происходящее. Алиса Ветер снова откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди и разглядывала меня так внимательно, что хотелось провалиться сквозь землю. Ладно, я готов потерпеть эксцентричность заказчика, если он как следует заплатит. Писатели постоянно живут в придуманном мире, иногда забывая разницу между воображаемым и реальным, когда погружаются в книгу. Кто я такой, чтобы осуждать чужие странности? Может, ей нужно пропустить текст через себя?

– И что теперь? – скептически поинтересовался я.

– Теперь мы немного подождем. Не хотите орехового пирога, Нестор? Я заставила вас приехать, я угощаю. Разделим вместе хлеб.

Неистовая и грубоватая карга куда-то пропала, вернув холодную, деловитую даму. Я не понял, чего именно дожидается писательница, но если вы считаете, что я отказался из чувства гордости или неудобства, то ничего подобного. Мой лозунг: бери от жизни все, ввязывайся, храбрись.

Мы некоторое время поговорили о книге, об обычаях, в которых вкушение пищи с гостем является очень важным элементом, а затем девушка с кексом громко воскликнула: «Смотри! Смотри!» Я по инерции глянул в окно и увидел, как с неба падают первые снежинки. Сначала они двигались бесконечно медленно, создавая мягкую завесу, а затем начали слипаться в крупные хлопья, покрывая дорогу белым покровом. Первый снег вошел в город тем вечером, помогая мне получить работу.

– Будем считать это добрым знаком. – Алиса встала, оставив меня и недоеденный пирог. – Я готова с вами сотрудничать, Нестор. Детали отправлю по электронной почте.

Не успел я ответить что-то подходящее случаю, как дверь за заказчицей захлопнулась. Снег завалил следы, как будто ее и не было никогда, но на столе лежало несколько тысяч аванса.

Следующую неделю я провел за перепиской с Алисой Ветер и за чтением книг, которые она мне присылала. Имитировать архаичный стиль заговоров не так просто, как кажется: в них не всегда присутствовала рифма, но образность заставляла присвистывать. Особенно в старой магии поражала несовременная, нутряная и эгоистичная жестокость. Любовные заклятия просили ветер разорвать живот возлюбленного и вместо печени и сердца вложить тоску по девушке, проклятия же, пронизанные грубой откровенностью и злобой, так и вовсе заставляли мурашки бежать по коже. Строчки свивались в змеиный ком, текст начинал прыгать перед глазами.

«Из избы выйду не дверями, со двора не воротами, выйду я черным окном, пойду я темным лесом, там пни да коренья, там грязь и раздор», – читал я в книге Алисы, пытаюсь представить, как это должно звучать в стихах. Имитировать древнюю ненависть или животные страсти было тяжело, но это раззадоривало. Я наскакивал на заклятия снова и снова, словно кусачая собака; пробовал разные ритмы, даже шептать себе под нос начал, чтобы понять, складываются фразы или нет. Впервые за долгое время я действительно писал *стихи*, пусть и странные, пусть и отталкивающие.

Критические замечания Алисы и ее внимание к строгой стилизации импонировали. Впечатлить ее оказалось тяжело, похвалы выдавались скупой, но все же она меня приняла, и теперь я старался исправиться, выдать что-то особенное. Следующим заданием писательницы стало стихотворение, в котором ведьма проклинает юношу, заставляя его стать ее вечным слугой. Сильный образ. В этом мне виделось что-то средневековое, так что я оторвался от книг и позвонил Моне. Если кто-то и даст внятный совет, то только она.

Раньше мы встречались и смогли расстаться друзьями – просто разошлись, будто связывающая нас нить безболезненно распалась. Мона писала диплом по магическому мышлению европейских Средних веков и до сих пор иногда читала лекции студентам первых курсов, так что я рассчитывал на помощь. Я объяснил ей суть задачи, и девушка вздохнула.

– Проклятие? Хм... – Пауза длилась долго. – Пользоваться магией в прежние времена означало продать душу дьяволу. Даже рыцари, которые носили с собой безобидные бумажки с бессмысленной белибердой, надеясь не умереть в бою, считались еретиками. Так что теперь ты тоже еретик на пути к сатане.

Она тихо, еле слышно, посмеялась.

Мона обожала юмор, который понимала лишь она сама. Эта девушка не нуждалась в собеседнике, чтобы получать удовольствие от шуток, и источником смеха обычно служили те, кто не разбирался ни в истории, ни в философии, ни в искусстве, поэтому нормально общалась Мона только с узкой сектой таких же глубоких гуманитариев, как она сама. Я не до конца отвечал ее требованиям, но пока мы были вместе, она сдерживалась.

– Да, я вступил на тропу зла, – согласился я. – Посоветуешь, как качественно проклясть невинного юношу, чтобы заработать денег на пропитание?

– Почему бы и нет? – Мона отхлебнула невидимый напиток. – Тут все зависит от того, к какой традиции обращаться. Ты хочешь европейскую традицию или нашу? Держись лучше корней, так атмосфернее. У меня волосы дыбом встают от старых русских заговоров и ворожбы, от всех этих домовых и жутких полуночных обрядов.

Девушка открыла невидимую мне книгу, и я слушал, как она листает страницы. То, что Мона сразу нашла подходящий запросу том, казалось совершенно логичным. Когда я жил у нее, то ощущал себя лишним среди груд книг, не имеющих системы. Она, разумеется, существовала, но ее сложное устройство понимала только Мона, поэтому она не терпела, когда кто-то перемещал книги из одной стопки в другую. Самое интересное, она всегда знала, в какой из куч какая книга находится, хотя со стороны они представляли собой хаос.

Но стоит признать, что только Мона запросто могла начать искать талмуд про средневековых ведьм, не вдаваясь в подробности и не тратя времени на расспросы, зачем это понадобилось. Она считала, что если взрослый человек о чем-то просит, значит есть веская причина. Из-за такого отношения к людям ей пришлось урезать круг общения до тех, кто действительно руководствовался в просьбах важными мотивами, а не отвлекал ее зазря.

– Если хочешь сконструировать проклятие или заговор, то они состоят из пяти частей, – наконец сказала она. – В первой описываешь, что делаешь, во второй идут желания, цель. Дальше, как в любой магии, рисуешь символический образ действия, а затем ссылка на авторитеты – кого ты привлекаешь, чтобы проклятие имело силу. Потом эффектная закрывающая кода, и всё.

Я ничего не понял и потянулся за бумажкой.

– Мона, погоди... Мне нужно записать. Что такое «кода»?

– Последний яркий аккорд. Тада-ам! «Да будет слово мое крепко, как камень, нерушимо, как скала», – в таком духе. Ты подберешь образы пожестче, если нужно... – Она замаялась. – Это не моя специализация вообще-то. Ты хотя бы представляешь, насколько необъятна история Средних веков даже в рамках одной страны? А уж в русской специфике я плаваю тотально.

– Я представляю, но больше у меня знатоков прошлого в друзьях нет, – начал раздражаться я. – Все эти части должны идти друг за другом?

– Нет, необязательно. У каждого колдуна свой стиль. – Она опять усмехнулась сама себе. – Поищи собственный почерк, поэкспериментируй, почитай книги про старорусскую ворожбу и гадания, а мне пора.

Мона положила трубку. Она умела уходить быстро, не затягивая. Именно так она и попросила уйти меня, когда поняла, что я все больше пропадаю вне дома и ищу приключений. Мона считала себя самым лучшим приключением и никакого пренебрежения не терпела. Иногда я скучал по запаху ее растрепанных волос и полному шкафу темных строгих рубашек.

Я скачал пару книг по русской ворожбе и засел за материалы. Найти свой стиль, выстроить его на основе чужих жутковатых заговоров, выбрать лучшее, отбросив дурное, – да, это я могу. Если верить источникам Моны, я был неофитом на пути к сатане, так что стоило постараться.

Я утонул в море одержимости, обретя давно отсутствующую уверенность и непробиваемую целеустремленность. Трудно сказать, почему я из кожи вон лез со стихами-заклятиями, но наличие сложной, не решаемой с наскока задачи вдыхало в каждый новый день азарт и свежесть. Мне нравилось работать над чем-то, имеющим смысл. Время внезапно освободилось от мусорных занятий и превратилось в чистую, широкую полосу, которую можно отдать под нечто значимое. Ничто, кроме работы, не запоминалось. Я ощущал себя занятым профессионалом – не кем-то, кого мотает по жизни, будто клочок мусора, а человеком, вносящим свой вклад в мир.

У каждого из нас полно возможностей изучить целые области знания, но мы предпочитаем отдыхать, заполняя время чем угодно вместо того, чтобы потрудиться. Алиса избавила меня от мук безделья, подарив четкие дедлайны и конкретные задания, не прощающие подхода спустя рукава. Ко мне взывали черные леса, куда не проникает ни луча света, я крался под окнами темных избушек. В них жили необъяснимые, чуждые существа, с которыми можно договориться лишь с помощью жертвы или принуждения.

Звонки от приятелей я отбивал, потому что хотелось поскорее закончить дело. Стоит отвлечься – и я потеряю неожиданную жилу вдохновения, идеальный распорядок.

Я был целиком захвачен книгой Алисы Ветер, необычными поворотами истории, загадочными требованиями, но главное – ритмами, образами. Я мечтал быть Бодлером, романтическим певцом цветов зла, но превратился в шамана, который гнет неистовую и ненавидящую человека природную бездну, создает из нее предметы, вытряхивает из нее нужные события под негодующий рев. В работе с закланиями таилась опасность, я легко ее представлял. Я топил корабли, отбирал здоровье, заставлял людей гореть нездоровыми страстями вместе со странствующими ведьмами из истории Алисы. Детские истории закончились.

Звонка в дверь я никак не ожидал и легко его проигнорировал, охваченный порывом, но так же легко отбросить дублирующий его, надоедливый вопль телефона уже не смог. Чья-то целеустремленность ничуть не уступала моей. Посмотрев в глазок, я понял, в чем дело. Мона. Мона никогда не сдастся.

– Нестор! Открывай, черт бы тебя подрал!

Я открыл дверь. Мону вот так, во плоти, я не видел давно. Волосы собраны в неаккуратный хвост, брови все такие же лохматые, какими я их помню, в уголке рта – легкая усмешка. Только теперь она походила не на недовольную, заспанную дриаду, выглядывающую из куста, а на героиню «Макса Пэйна», в честь которой себя назвала. Спокойный взгляд, длинное пальто, руки торопливо стаскивают перчатки. Она ненавидит мерзнуть, но лишнюю одежду ненавидит тоже, поэтому начинает расстегивать пальто уже в подъезде.

– В чем дело? Я занят.

– Дело в твоих родителях, Нестор. – Гостья толкнула дверь и прошла внутрь, заставив посторониться. – Им не удалось до тебя дозвониться, и они решили, что ты попал в беду, вот и попросили проверить, как ты тут. Присылай им сообщения, что ли, раз в месяц. Я попросила их удалить мой телефон, чтобы не попадать в столь неудобную ситуацию, но вряд ли они послушают. Родители вечно делают, что хотят.

Она присела на стул в прихожей, пошевелила ногами в узких джинсах, а потом уставилась на меня. Женщины обычно дозируют взгляд, будто распределяют его по всему телу, чтобы не казаться навязчивыми, грубыми. Мона никогда не боялась показаться грубой, поэтому смотрела прямо в лицо, спрашивая взглядом, какого черта ей пришлось сюда тащиться.

– Ты выглядишь вполне здоровым. Хотя и похудел килограммов на пять, – прокомментировала она. – Почему ты не выходишь из дома целый месяц?

– Что? – не понял я.

Вот теперь Мона стала более внимательной и осторожной. Осмотрела снова, но уже как врач или человек, оценивающий уборку квартиры чужими людьми. Потом, сделав про себя выводы, расширила радиус сканирования и включила в него мою квартиру. Я невольно следовал за ее взглядом и отмечал то же самое, что и она: упаковки от заказанной на дом еды, разбросанные повсюду, темнота, нарушаемая только отдаленным сиянием монитора в комнате, исписанные листки в самых неожиданных местах.

– Видимо, заказ с ведьмами тебя так поглотил, что ты забыл обо всем вокруг, – озвучила девушка свои мысли. – Но месяц?.. Вряд ли стихи требуют такого неусыпного внимания. Что-то случилось?

Я хотел рассердиться, выказать недовольство, но ее визит был чем-то из ряда вон выходящим, поэтому я попытался понять, какое сегодня число. Цифры в правом углу компьютера констатировали, что с момента встречи с Алисой Ветер прошло чуть больше месяца. В зеркале отражалось давно не бритое сероватое лицо. Я попытался вспомнить, когда в последний раз выходил на улицу, однако в памяти сохранился лишь падающий снег за окнами кафе.

Мона молча наблюдала за моими метаниями, но в конце концов не выдержала:

– Ну, что скажешь?

Я не знал, что ответить. Нестерпимо хотелось завершить неловкий разговор и вернуться к делу. Мылся я, судя по всему, несколько дней назад, поэтому начал стесняться присутствия гостыи. Она была слишком деятельной и свежей, словно пришла из другого мира.

– Все нормально. Ты меня отвлекаешь, – пояснил я с деланой беспечностью.

– Покажешь, над чем работаешь? – спросила она.

Отказаться было бы глупо. Я гордился тем, что сейчас делал, – непривычный и захватывающий проект.

Так Мона подобралась невероятно близко к моим стихам. Они выплеснулись далеко за границы монитора, заполнив всю квартиру. Я рисовал на полях своих заклятий, увлеченный новой реальностью, хотя не брался за иллюстрирование с первых курсов университета, когда мне пришло в голову, что пора отбросить все лишнее и посвятить себя слову.

– Проходи.

Присутствие Моны проявляло основную ноту последнего времени – одержимость. Девушка выглядела лишней, словно детектив, явившийся в обитель сумасшедшего. Без детектива все имело смысл, все складывалось, но теперь не представлялось возможным восстановить скрытые связи, потому что она их разметала.

Мона взяла несколько листков, пробежалась глазами, аккуратно положила на место. Эта аккуратность была самой чуждой частью ее поведения.

– Ты написал то заклятие про захват души юноши? – поинтересовалась она, чтобы нарушить тишину.

– В тот же день, когда звонил тебе. – Я поразился той гордости, какая звучала в моем голосе. – Сделал хитрую сборку из разных заговоров, получилось очень зловеще.

– Я даже не подозревала, что ты можешь так отдаваться работе.

– Мне просто прежде не попадалось ничего стоящего.

– Позвони родителям.

Мона вышла из комнаты, похлопав меня по спине. Станный жест, нечто среднее между дружеским похлопыванием по плечу и поглаживанием спины бывшей любовницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.